

Нечаева Е. Ф., Мареева Е. А.

КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОНЦЕПТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/69.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 164-167. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

работник, слуга и skalks а-м. слуга; ga-skohi ia-с. сандалии, обувь и skohs а-м. сандалий; ga-þagki ia-с. благодарность, бережливость, забота и þagks м. благодарность; þiudan-gardi ið-ж. царство, garda n-м. скотный (овчий) двор и gards i-м. дом, двор, семья, также aurti-gards сад, midjun-gards земля, weina-gards виноградник; ufar-fullei ein-ж. изобилие и fullo ðn-ж. полнота, заплата; auga-dauro n-с. окно и daur а-с., daurons n-ж. мн. двери; ga-man а-с. ближний, сосед и manna корн.-м. человек (ср. также man-leika, mana-maurþja; mana-seþs); ga-waurdi ia-с. речь, anda-waurdi ia-с. ответ, dwala-waurdei n-ж. глупые речи, пустословие, filu-waurdei n-ж. многословие, gabaurþi-waurd а-с. родословие и waurd а-с. слово; ailva-tundi ið-ж. терновый куст и tunþus u-м. зуб; and-augi ia-с. лицо, лик, облик и augo n-с. глаз (ср. также auga-dauro окно); haiti io-ж. и ga-hait а-с. обещание, anda-hait признание, исповедание, bi-hait злословие. Приведенный здесь большой список композитов с измененной парадигмой имени при его преобразовании в связанную морфему свидетельствует о превращении этого типа фonomорфологического варьирования в словообразовательное средство в языке готской Библии.

Особый интерес представляет изменение парадигмы существительного, когда оно употребляется в первой части сложных слов, состоящих из двух именных основ (ср. mari-saiws и marei n-ж. море; broþru-lubo, broþra-lubo братская любовь и broþar г-м. брат; qina-kunds прил. женский и qino n-ж. жена). В этой словообразовательной модели часто сохраняется старый германский основообразующий суффикс, утраченный цельнооформленным словом, ср., например: þiuf-i-qiss благословение и þiuf а-с. благо, также в miþgard-a-waddjus и miþgard-i-waddjus промежуточная стена при gards i-ж. или в frabauht-a-boka расписка и frabauhts i-ж. Словообразовательная модель «основа имени существительного (прилагательного) + цельнооформленное имя» является продуктивной в готском языке. Парадигматическая функция основообразующих суффиксов преобразуется здесь в функцию словообразовательную, чем и обусловлено их сохранение в сложных словах.

Сохранение фonomорфологического варьирования именной парадигмы в непроизводных словах германского происхождения, вариативность парадигм в греческих заимствованиях и именах собственных, распространенность словообразовательного варьирования именной парадигмы, регулярное изменение именной основы при образовании сложных слов указывают на то, что вариантность парадигмы существительного является типологически значимым явлением готского языка. Интенсивность именной парадигматической варьирования вызвана в готском языке не аналогическим воздействием одних типов склонений на другие, а необычайным размахом словотворческих и словообразовательных процессов в условиях создания готского перевода Библии. Трудность в установлении границ между словообразовательными или фonomорфологическими вариантами и однокорневыми синонимами свидетельствует о неопределенности и текучести границ готского слова, о неустойчивости его как языкового знака [ср. Бочоришвили 1982] в эпоху формирования новой литературной формы языка - языка готской Библии (церковногоготского).

Список использованной литературы

1. Бочоришвили Н. К. Слово в риторических приемах у Шекспира. АКД. М.: МГУ, 1982. - 27 с.
2. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М.: Едиториал УРРС, 2003. - 168 с.
3. Нетунаева И. М. Особенности склонения существительных в готском языке. /Экология культуры и языка: проблемы и перспективы. Архангельск, 2006. - С 199-206.
4. Смирницкая О. А. Наименования космологических объектов в мифе и языке. /Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1, 2002. - С. 7-21.
5. Смирницкая О. А. Проблема интерпретации гот. sunja, или «Что есть истина?» /Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации. Иваново, 2002.
6. Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. М.: Издательство ПАИМС, 1992. Репринт издания: Г. В. Флоровский Восточные отцы IV века. Париж, 1931. - 240 с.
7. Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986. - 712 p.
8. Streitberg, W. Die Gotische Bibel. Band I: Der gotische Text und seine griechische Vorlage. Mit Einleitung, Lesarten und Quellenachweisen sowie den kleineren Denkmälen als Anhang. Mit einem Nachtrag von P. Scardigli /W. Streitberg. - 7. Auflage. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 2000. - 514 S.
9. Streitberg, W. Die Gotische Bibel. Band II: Gotisch-Griechisch-Deutsches Wörterbuch /W. Streitberg. - 6. Aufl. - Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 2000. - 180 S.

КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОНЦЕПТА

Нечаева Е. Ф., Мареева Е. А.
Кафедра лингвистики МИЭМП

Лингвистика сегодняшнего времени все больше уходит от изучения языка как системы к изучению языка как форме отражения окружающей человека действительности и самого себя, как средстве получения знания об этой действительности и самом человеке. Изучением человека и его взаимодействия с окружающим миром занимается лингвокультурология - наука, отвечающая современным требованиям лингвистики и культурологи (Н. Д. Арутюнова, Е.В.Бабаева, В.В.Воробьев, В.И.Карасик, Н. Ф. Красавский, В.А.Маслова, Ю.С. Степанов, В. Н. Телия, Н.И. Толстой и др.).

Язык, являясь одним из видов человеческой деятельности, оказывается неотъемлемой частью культуры: «Язык - мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культурных традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова, 2000: 15]. Лингвокультурология исследует соотношение языка и культуры, развиваясь на основе когнитивной лингвистики, изучающей взаимосвязь языка и сознания. Различные культуры отличаются разной поведенческой, деятельностной, психологической реакцией на мир и, соответственно, различные языки имеют национальную окраску. Многообразный, глобальный образ мира являет собой картину мира.

Впервые понятие «картины мира» появилось в трудах Л. Витгенштейна, посвященных исследованиям в области логики и философии. В «Логико-философском трактате» [Л. Витгенштейн, 1921] высказывается мысль, что все языки имеют общую логическую форму, которая, кроме того, обща им и миру. Фактически эта общая форма и позволяет предложениям нечто «высказывать». То, о чем предложение говорит, является набрасываемой им «логической картиной мира» [Л. Витгенштейн, 1921:22]. В дальнейшем этот термин стал широко использоваться в различных областях знаний, интересом которых является человек и его связь с окружающей действительностью. Современные лингвисты рассматривают картину мира как идеальное образование, которое состоит из структурно организованных компонентов, обладает определенными свойствами и закономерно развивается. Картина мира отражается в языке, формируя его и, соответственно менталитет носителей данного языка. С другой стороны, сам язык как постоянно развивающаяся, но сложившаяся система формирует социокультурную картину мира, является способом отражения сознания нации. Язык моделирует мир в так называемом языковом сознании. Под языковым сознанием понимается особенности культуры и общественной жизни в понимании определенным человеческим коллективом. В языковом сознании формируется национально-субъективный образ мира, отличный от образа мира в представлении другими нациями. Язык индивида несет в себе характерные черты, свойственные всем представителям данной нации, что отражается в менталитете. Таким образом, менталитет является не только формой состояния сознания, но и следствием постижения явлений. В Concise Oxford Dictionary менталитет определяется, как «способность находиться в разуме, быть в уме. Менталитет - есть отражение склада ума, настроения, характера» [Тер-Минасова, 2000:196].

Индивид несет в себе черты менталитета нации, не осознавая этого, не понимая, что его представления о картине мира связаны с его языковым сознанием. Мы воспринимаем мир как носители определенного языка, а, следовательно, определенной культуры, благодаря тому, что наш выбор при интерпретации тех или иных понятий обусловлен и предопределен языком и привычками нашего общества. «Наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую картину мира» [Попова, Стернин, 2002: 67-68]. Само понятие «культура» в разных языках трактуется по-разному. Новый словарь русского языка дает семь вариантов значения слова «культура», наиболее общими из которых являются два:

- совокупность достижений человечества в области общественных, интеллектуальных и производственных отношений, // совокупность достижений в определенную эпоху, у определенного народа;
- уровень развития каждой из областей - общественной, интеллектуальной и производственной - жизни // конкретные результаты такого развития [НСРЯТС; 2000: 754].

Французский энциклопедический словарь Grand Larousse дает пять определений, наиболее значимые из которых:

- ensemble des connaissances acquises d'un individu ou d'une société,
- ensemble des structures sociales, religieuses, des manifestations intellectuelles [GLI; 1975: 278].

На первое место здесь в понимании слова «культура» ставится набор социально-приобретенных знаний и конечный продукт знания. Культура должна исследоваться, с одной стороны, как системное качество общества, подсистема общества, а с другой стороны, как самостоятельная система со своими структурными элементами, в которую входит язык, знания, убеждения, ценности. Индивидуум является носителем определенного культурного начала, определенного языка и соответственно культурных ценностей - культурных концептов. Основной единицей, которая вмещает в себя два понятия «язык» и «культура» является в лингвистике - культурный концепт (от латинского «conceptus» - понятие). Как отмечает Д.С.Лихачев, «впервые термин концепт в отечественной лингвистике использует С. А. Аскольдов-Алексеев. «Концепт - есть мысленное образование, которое знаменует нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода... Высказывая какое-нибудь общее положение о растительном организме, мы в конечном итоге имеем в виду именно их, т. е. все неопределенное множество реальных или хотя бы представимых растений... Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов. Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт «справедливость». Наконец, он может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но мысленных функций. Таковы, например, математические концепты» [Лихачев, 1993: 4].

С точки зрения философии «концепт» - это формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие; в логической семантике - смысл имени [ФС, 1991: 203]. Толковый словарь русского языка дает определение концепту как «общему понятию, общему представлению» [ТСРЯ, 1935:1343]. В лингвистике Н. Д. Арутюнова говорит о концепте как о понятии практической (обыденной) философии, являющемся результатом взаимодействия ряда факторов как то: фольклор, национальная традиция, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный

слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова, 1993:3]. В психологии концепт трактуется как некое мысленное образование, выполняющее заместительную функцию. Любой человек является концептоносителем, имея собственный культурный опыт, культурную индивидуальность. Речевая деятельность индивида определяется концептосферой языка и национальной концептосферой. На уровне речи жизненная ситуация и контекст позволяют человеку осознать какое из значений слова замещает собой концепт. Эта заместительная функция концепта снимает различия в понимании значения слова. Концептосфера является основным источником формирования концептов, «сферой мысли» [Попова, Стернин, 2001:67], которая во многом определяет менталитет народа. Например, А. Вежицкая справедливо замечает, что наличие в «русской концептосфере концепта «судьба» определяет ряд ментальных стереотипов русского сознания, объясняющих непредусмотрительность и надежду «на авось» в поведении русских людей [Вежицкая, 1999:502]. Можно добавить по аналогии, что некоторое свойственное русскому характеру недовольство настоящим, чрезмерные надежды на будущее связаны с понятием «счастье» в русском языке в отличие, например, от французского, где «счастье» -«bonheur», просто «добрый час».

Отношения между культурными концептами и их значениями достаточно сложны, поэтому когнитивная лингвистика и лингвокультурология уделяют особое внимание изучению соотношения языкового значения и культурного смысла. Ю.С. Степанов, говоря об этимологии слова «концепт» обращает внимание на то «что оно связано со значением «схватить, взять в собственность» [Степанов 2001:43].

Можно сказать, что сегодня выделилось два основных подхода к изучению концептов: когнитивный (Н. Д. Арутюнова, А.П.Бабушкин, Е. С. Кубрякова, Д.С.Лихачев, З.Д.Попова, И. А. Стернин) и лингвокультурологический (С. Г. Воркачев, В.И.Карасик, Н. А. Красавский, Ю.С.Степанов).

Когнитивный подход включает в число концептов лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют наивную картину мира носителей языка. Согласно такому подходу концептами могут считаться любые лингвистические единицы, в значении которых просматривается способ семантического представления.

Лингвокультурологический подход относит к числу концептов семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности определенной этнокультуры.

Лингвисты сходятся во мнении, что концепты являются единицами сознания, отражающими человеческий опыт информационной структуры.

Когнитивная лингвистика считает концепт «единицей концептосферы, имеющей и не имеющей словесное выражение» [Попова, Стернин, 2001:69].

С точки зрения когнитивной лингвистики концепт - это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека»;

Оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности...»[Кубрякова 1996:90]. В когнитивной лингвистике концепт считается комплексной мыслительной единицей, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя свои разные признаки и слои. При этом соответствующие признаки или слои концепта вполне могут не иметь обозначения в языке, так как языковые средства необходимы не для существования концепта, а для выражения его содержания [Попова, Стернин 2001:37-39].

В рамках лингвокультурологического подхода, согласно идее ценностных доминант в языке, В. И. Карасик относит концепты к первичным культурным образованиям, транслируемым в различные сферы бытия, в частности в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство), преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира и трактует концепт как ментальную единицу, ментальное образование, включающее в себя образный, понятийный и нормативно-оценочный компоненты. [Карасик 1996:8].

Концепты подразделяются на «мыслительные картинки» (конкретные образы), «схемы» (менее детальные образы), «гиперонимы» (очень обобщенные образы), «инсайты» (знания о функциональной предназначенности предмета), «сценарии» (знания о сюжетной развитии событий), «фреймы» (совокупность хранимых в памяти ассоциаций), «калейдоскопические» концепты (совокупность сценариев и фреймов, связанных со сферой чувств), «грамматические» концепты (совокупность специфических грамматических характеристик языка).

По мнению И. В. Карасика, «наибольший интерес для исследования представляют те концепты, которые отражают специфическую логику, свойственную носителям определенной лингвокультуры. У таких концептов не может быть однозначного обозначения, они представляют собой своеобразные коды - ключи к пониманию ценностей этой культуры, условий жизни людей, стереотипов их поведения» [Карасик 2001:5].

Итак, когнитивная лингвистика и лингвокультурология рассматривают концепты как образования, возникающие в результате овладения значением и проявляющиеся в умении обращения с определенными понятиями, включающие себя данный концепт как составляющую.

Мы полагаем, что при всем различии эти подходы не слишком противоречат друг другу. В конечном итоге, они сходятся в своей основной цели - познания сути языкового сознания и понимания глубинных ос-

нов различий между культурами. Мы разделяем точку зрения Н. А. Красавского, который полагает, что «концепт надо рассматривать как когнитивную структуру, погруженную в которая полагает, что базой для образования концепта служат лишь те явления, которые становятся объектом оценки, а для того, чтобы оценить объект человек должен «пропустить его через себя», Именно этот момент «пропускания и «оценивания» является моментом первичного образования того или иного концепта [Арутюнова 1999: 181].

С точки зрения обоих подходов, глубинное изучение концептов, а особенно, в области сопоставительного языкознания представляет для сегодняшней науки огромный интерес, поскольку предполагает междисциплинарное исследование.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Национальное сознание, язык, стиль. Тезисы международных конференций. М., Изд-во МГУ, 1995. С. 32-40.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., Языки русской культуры, 1999. 777 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Т. 1-2. М., Гнозис, 1994. 435 с.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). Монография. М., 1997. С. 121.
5. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 22.
6. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии. Сб. науч. тр. Волгоград, Перемена, 2001. С. 12.
7. Красавский Н. В. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. д-ра фил. н., Волгоград, 2001. 40 с.
8. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. М., 1997. С. 280-287.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, Истоки, 2001. 191 с.
11. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. М, 1937.
12. Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова. М, 1987.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДОВ ПУШКИНСКОГО ПОНИМАНИЯ ЛЮБВИ К ЖЕНЩИНЕ НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ

Нуждова Е. Н.

Мичуринский государственный аграрный университет

Являясь великим поэтом России, поэтом с мировым именем, А.С. Пушкин в своих стихах проявляет новаторство, интерпретируя любовь к женщине, как он это понимает сам, используя словарный запас с проявлением поэтической вольности. Именно такие строки А.С. Пушкина трудно передавались переводчиками как прошлых столетий, то есть XIX-XX веков, так и нашего времени.

Любовная лирика А.С. Пушкина всегда автобиографична. Как в его жизни, так в его стихах любовь - это не благо, которое дарит ему его жизнь, так как это чувство постоянно мучает поэта, сопряжено с его страданиями.

Если применить системный подход с ограничениями, то чувство любви поэта к женщине как бы состоит из трех элементов. С одной стороны - он, глубоко несчастный от своей любви, второй элемент - его представление о любви к женщине, а третий - восприятие любимой женщины, кто она для него.

Обратимся к анализу переводов некоторых чувств, отображающих внутренний мир поэта в его автобиографических стихах.

Любовь лирического героя безмолвна. «Молчание» у А.С. Пушкина связано с желанием не раскрывать свои собственные переживания перед людьми, проявляя свою сдержанность.

В английских переводах чаще всего используется для демонстрации сдержанного молчания прилагательное “mute” и наречие “mutely” в значении «молчаливый», которые более близки к сдержанному молчанию А.С. Пушкина.

Русский: Я вас любил безмолвно, безнадежно... [Пушкин 1967 Т. 3: 111].

Английский: I loved you mutely, hopelessly and truly... [Pushkin Vol.1 1990: 35].

Реже в переводах можно встретить использование существительного “silence”, которое, на наш взгляд, в меньшей степени, чем прилагательное “mute” передает сдержанность молчания А.С. Пушкина.

Русский: ...Но жалок тот, кто молчаливо, Сгорая пламенем любви, Потупя голову, ревниво Признанья слушает твои [Пушкин 1967 Т.3: 65].

Английский: But pity him who, heart and bowels With love's consuming flame ablaze, Must hear in silence your avowals, While jealous anguish clouds his gaze [Pushkin 1993: 37].

В большей мере следует считать проявление эквивалентности английских переводов в использовании конструкции со словом “word”: wordless, not with words для отображения сдержанного молчания поэта.

Русский: Я вас любил безмолвно, безнадежно... [Пушкин 1967 Т.3: 111].

Английский: I used to love you wordless, without hope... [Pushkin 1993: 233].

Во французском языке в отличие от английского нельзя сделать замечание о том, что какой-то эквивалент употребляется чаще, а какой-то реже. Но, как и в английском языке, переводчик использует прилагательное “silencieux” в значении «безмолвный».

Русский: Беседы чужд, один и молчалив, Терзаюсь я досадой одинокой... [Пушкин 1967 Т. 2: 195].